

УДК 314.74

Зыков А.А.
Zykov A.A.

Дальний Восток России на перекрестке трансграничных миграционных потоков Евразии

The Far East Russia at the intersection of migratory streams of Eurasia

---

В статье рассматриваются процессы трансформации миграционной ситуации на Дальнем Востоке и формирования современной государственной миграционной политики.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Евразия, миграционные потоки, государственная политика*

In article processes of transformation of a migratory situation in the Far East Russia and formation of modern and state migration policy are considered.

Key words: *the Far East Russia, Eurasia, migratory streams, state migration policy*

Привлечение внешней и внутренней миграции в целях активизации хозяйственного освоения обширных территорий является традиционной проблемой для Дальнего Востока России с момента появления первых русских поселенцев в этих краях. В позднесоветский период остро встал вопрос о привлечении внешней трудовой миграции для восполнения трудовых ресурсов в целях обеспечения регионального развития. Незадолго до распада социалистической системы была объявлена политика «открытых границ»¹ для трудовых мигрантов социалистических стран Восточной Азии (Китай, Северной Кореи и Вьетнама).

Трансформация общественно-политического устройства мировой системы конца XX века только повысила актуальность миграционной составляющей для развития Дальнего Востока. В условиях переосмысления назначения государственных границ, повышения их контактности, одним из объективных закономерностей развития глобальных социально-экономических отношений стало увеличение миграционных потоков. Обзор изменений миграционных процессов на Дальнем Востоке и специфики формирования современной государственной миграционной политики России является целью данной статьи.

ЗЫКОВ Александр Александрович, соискатель кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. (г. Владивосток). **E-mail:** sunych_84@mail.ru

¹ Наиболее ярким проявлением этого взаимодействия явилась трудовая миграция на российский Дальний Восток граждан КНР, начавшаяся после подписания соглашения между Россией и Китаем о безвизовом пересечении российско-китайской границы (1988 г.) и соглашения о привлечении и использовании китайских граждан на предприятиях СССР (1989 г.).

В целом для России последняя декада XX века характеризуется сокращением населения на фоне беспрецедентного миграционного прироста. К тому же коренным образом изменилась ситуация во внутрисосийской картине территориального движения населения страны, обозначился мощный «западный дрейф». На Дальнем Востоке эта ситуация приняла угрожающие масштабы: за период 1991 – 2010 гг.¹ дальневосточный регион потерял 1780 тыс. чел. или 22,1% населения, в том числе 225,5 тыс. чел. (12,7%) составила естественная убыль и 1554,5 тыс. (87,3%) – миграционный отток в европейские регионы России [8, с. 14].

На фоне интенсивного оттока русского населения с Дальнего Востока в первой половине 1990-х годов на юге региона активизировались потоки трудовой миграции из соседних азиатских стран (в первую очередь из КНР). Резкий поворот к интенсивным международным контактам бывшего ранее закрытым Дальнего Востока России привёл к тому, что население и власть оказались не готовы к прибытию сразу большого количества представителей разных этнических групп. Одномоментное появление в массовом количестве выходцев из иной социокультурной общности вызвало большую настороженность у населения приграничных регионов, а также беспокойство о социально-экономической безопасности региона местных и федеральных властей. Не подготовленные к приёму сотен тысяч иностранцев административные и правоохранительные органы скоро оказались не в состоянии ни контролировать их, ни даже вести их учёт [6, с. 147]. Впоследствии это вызвало сознательное торможение трансграничных интеграционных процессов, ужесточение федерального контроля и ограничение региональных инициатив, введение в 1994 г. визового порядка пересечения границы и установление заградительных таможенных пошлин на китайские товары.

Миграционный прирост в России, в основном, шёл за счёт переселения русскоязычного населения стран постсоветского пространства. На протяжении 1990-х гг. это была «возвратная миграция» русских и представителей народов России, которые возвращались из бывших республик Закавказья и Средней Азии.

До Дальнего Востока этот поток, как правило, не доходил, за исключением немногочисленного возвращения на «малую родину» депортированных в сталинские годы корейцев². Положения Закона РФ «О реабилитации репрессированных народов» и Постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» создали юридическую основу для восстановления прав и предоставления льгот реабилитированным корейцам. Весной 1993 г. администрация Приморского края разработала план мероприятий по выполнению Постановления Верховного Совета РФ, который предполагал оказание помощи по обустройству переселенцев, предоставление льготных кредитов, выделение в аренду земельных участков для строительства и ведения хозяйства, а также возрождение культурных традиций российских корейцев [11, с. 234]. В результате сегодня в Приморском крае проживает примерно 20 000 граждан корейской национальности.

Таким образом, к середине 1990-х годов чётко обозначились три направления миграционных потоков, пересекающих Евразийский континент: «западный дрейф» русского населения с Дальнего Востока; ма-

¹ К началу 2000-х годов интенсивность оттока населения с Дальнего Востока спала, но такие негативные тенденции, как низкая рождаемость и увеличение доли нетрудоспособного населения, остались.

² После принятия в августе 1937 г. постановления Совета народных комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» в Казахстан и Узбекскую ССР около 170 тыс. человек были депортированы.

лочисленный поток мигрантов из среднеазиатских республик постсоветского пространства (корейцев); интенсивный поток трудовых мигрантов из стран Северо-Восточной Азии (в основном, китайцев).

Во многом миграция в этот период носила стихийный характер, в условиях социально-экономического кризиса государственные органы принимали, во многом, конъюнктурные меры. По словам Г.А. Селезнева, бывшего председателя Государственной Думы Российской Федерации, «10 лет бушуют в России миграционные шторма, но разумной, гуманной к человеку и выгодной для государства миграционной политики нет. ... Российское миграционное законодательство сегодня (конец XX – начало XXI вв.) настолько бездейственно, что найти ему аналог в мире невозможно. Чтобы управлять миграцией, необходимо в ближайшее время разработать не менее 20 федеральных законов и иметь более 250 подзаконных актов» [5].

Тем не менее, примерно с 1997 по 2006 г. органам власти разных уровней удалось достигнуть стабильной численности иностранного трудового контингента, установить чётко действующую систему контроля за пребыванием иностранцев с участием силовых структур. Для Дальнего Востока это, в первую очередь, касалось китайской миграции. Были достигнуты стабилизация и снижение темпов роста числа посещений китайскими гражданами дальневосточных субъектов РФ с торговыми целями, сокращено число не вернувшихся на родину, также была стабилизирована численность контрактованных китайских рабочих за период 1997-2000 гг. и достигнут её умеренный рост в 2000-2003 гг. в период экономического оживления [3, с. 23].

В середине 2000-х годов для России, при всей непоследовательности её политики, знаменателен поворот в сторону системных мер регулирования, осуществлённый согласно решению Совета безопасности Российской Федерации «О мерах по совершенствованию миграционной политики Российской Федерации» от 17 марта 2005 года. Приняты Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006-2008 гг., Федеральная целевая программа «Русский язык (2006-2010)», Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в России соотечественников, проживающих за рубежом (2007 – 2012). Складывалась система миграционного права на основе законодательства, решений Конституционного суда РФ и судов общей юрисдикции, юридической практики, норм международного права, решений Европейского суда по правам человека. Приняты новые редакции федеральных законов «О беженцах», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»; федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в российской Федерации», «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», Правила осуществления миграционного учёта иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, административные регламенты для ФМС России.

При этом российские законодатели выступали в качестве «локомотива» в Межпарламентской ассамблее СНГ при подготовке модельных законов, которыми пользуются в процессе законотворчества страны СНГ. На международном уровне коллективное нормотворчество и политика способствуют созданию инфраструктуры взаимодействия миграционных ведомств, взаимно учитывающих особенности национальных миграционных моделей (отдающих или принимающих) [1, с. 134]. Даже двусторонние соглашения не всегда эффективны, например, в отношении транзитной и нелегальной миграции. Необходимы коллективные соглашения, имеющие системный характер, регулирующие в комплексе

все виды миграции, основные её каналы и направления, в том числе легальную и «теневую», блокирующие криминальную. В 2004 г. был создан координирующий орган – Совместная комиссия по борьбе с незаконной миграцией государств-участников «Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией», заключённого 6 марта 1998 года. Была одобрена Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в противодействии незаконной миграции от 16 сентября 2004 года. В 2007 г. главы государств-участников СНГ подписали Декларацию о согласованной миграционной политике данных государств, намечающую информационное взаимодействие, противодействие нелегальной миграции, взаимопомощь в предупреждении, выявлении и пресечении её каналов, а также стремление к сближению законодательств в сфере миграции, разработке миграционных программ и их реализации [14, с. 286-289].

Для изучения миграционной составляющей на Дальнем Востоке важно учитывать приведённые обстоятельства, потому что в 2006 – 2008 гг. увеличивалась доля иностранных работников из стран Средней Азии в Приморском крае (как, в принципе, и других субъектах). Особенно выросла численность выходцев из Узбекистана (в 6,3 раза). Часть региональных экспертов высказывала мнение, что мигранты-выходцы из стран СНГ представляют социальную угрозу для дальневосточников, так как они в большей степени, чем китайцы, пополняют теневой рынок труда [4, с. 93]. При этом общее прошлое с выходцами из бывших республик СССР не способствовало их интеграции в российский социум. Профессор А.М. Кузнецов объясняет такое настроение тем, что после крушения СССР там начались процессы, которые нас в значительной степени обособили [9, с. 71]. Также одна из проблем заключается в том, что общности, которые составляют основу населения Дальнего Востока, отличаются от вновь прибывших общностей по степени внутренней консолидации. Эти опасения характерны не только для Дальнего Востока, они актуальны для всей России. Так политолог М.Ф. Ремизов уверен, что необходимо упорядочить миграционные процессы, потому что Россия сегодня проходит точку невозврата, при которой массы эмигрантов формируют своё параллельное общество [2].

В потоках трудовой иммиграции на Дальний Восток имеют тенденцию к преобладанию выходцы из Центральной Азии, которые плохо владеют русским языком (даже для объяснения на элементарном уровне). Низок уровень образования мигрантов. В трудовую миграцию в странах Центральной Азии всё более активно вовлекаются сельские жители и социально незащищённые слои населения. В странах происхождения в трудовую миграцию вовлекаются, кроме того, совсем молодые люди, которые получили незаконченное или среднее образование, не имеют опыта жизни в больших городах, элементарных навыков пребывания в городской среде, культуры поведения в обществе. Низкий уровень культуры провоцирует негативное отношение к ним со стороны местных жителей [16, с. 138-139].

Так, в рамках реализации краевой целевой программы «Комплексные меры по профилактике экстремизма и терроризма в Приморском крае» на 2011 – 2013 годы, утверждённой постановлением Администрации Приморского края от 12.04.2011 № 104-па, проведено социологическое исследование (Текущий архив департамента внутренней политики Администрации Приморского края), которое, показало следующее.

Среди возможных угроз российскому Дальнему Востоку приморцы на первое место поставили угрозы экономического характера – снижение уровня жизни населения и рост уровня безработицы. Большинство участников опроса из Владивостока включили в число угроз Дальнему

Востоку мигрантов из других регионов (Кавказ, Средняя Азия). Кроме того, жителей Владивостока беспокоит угроза конфликтов между людьми разных национальностей и вероисповеданий. Жители краевого центра настроены по отношению к трудовым мигрантам более негативно, чем жители остальных территорий края.

Наибольшую настороженность и недоверие у жителей Приморского края вызывают чеченцы (34,8%), узбеки (29,3%) и азербайджанцы (29%). Более высокий уровень толерантности присущ жителям из разных территорий края, в то время как владивостокцы относятся к представителям других национальностей с высокой долей настороженности и недоверия.

Каждый третий житель края не видит положительного влияния на жизнь в своём городе (районе) трудовых мигрантов. А среди жителей Владивостока выше процент недовольных присутствием трудовых мигрантов, количество которых во Владивостоке только увеличивалось в связи с активным строительством в 2012 году различных объектов.

Участников опроса беспокоит тот факт, что трудовые мигранты занимают рабочие места, обостряя проблему безработицы в крае. Во Владивостоке также высока обеспокоенность ухудшением санитарно-эпидемиологической ситуации, многие участники опроса связывают это с присутствием в Приморье трудовых мигрантов. Кроме того, жители краевого центра связывают повышение уровня преступности с наличием в городе мигрантов.

Несмотря на то, что на определённом этапе мигранты из бывших союзных республик рассматривались не только как равноценное замещение необходимых для страны трудовых ресурсов, но и как противовес «тихой экспансии» дальневосточных соседей, ответственные государственные органы признают опасения широкой общественности как проблему, требующую принятия адекватных решений. Так, выступая в мае 2013 г. на телевидении, глава Федеральной миграционной службы России К.О. Ромодановский подчеркнул, что подходы, связанные с привлечением иностранной рабочей силы, нужно существенно реформировать. «Мы понимаем, что миграция должна давать позитив для экономики, и не выступаем против неё как явления. Но когда мы на протяжении 2-х лет видим 37 % прироста въезда иностранных рабочих в Россию, причём половина из них представители Центральной Азии, а половина из этой половины не знает русского языка, возникает вопрос: зачем они приехали в Россию?» [10].

С принятием в 2012 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. начался переход на качественно новый уровень регулирования трудовой миграции, дающий возможность формировать потоки трудовой миграции в соответствии с потребностями российского рынка труда, чтобы перейти к селективной миграционной политике. Совершенствование миграционной политики России позволяет встроить дальновидную и последовательную миграционную политику в общую стратегию национального развития, преодолеть межведомственную несогласованность в её реализации, сформировать консенсус общества и государства в вопросе привлечения мигрантов [16, с. 137].

При этом некоторые наблюдатели отмечают, что Россия резко ужесточила миграционное законодательство. Ужесточены меры уголовной и административной ответственности за нарушение иностранными гражданами или лицами без гражданства правил въезда в РФ либо режима пребывания в стране и незаконное осуществление трудовой деятельно-

сти¹. Произошёл ощутимый поворот в сторону запретительных и карательных мер.

Так, бизнес-омбудсмен Б. Титов пишет о том, что запреты и карательные меры не решают проблему, а ещё больше затянут «гордиев узел»: «Задача государства не в том, чтобы затруднить доступ на наш рынок труда иностранцам, а в том, чтобы все они были надлежащим образом легализованы и пополнили российский бюджет налогами» [7].

Профессор С.В. Рязанцев подчеркнул, что главное достижение концепции государственной миграционной политики на период до 2025 г. заключается в её идеологической направленности. Миграция, в частности, названа ресурсом развития страны [10]. Наряду с традиционными направлениями впервые поставлены на уровень государственного понимания совершенно новые проблемы, которые миграционная политика России ранее просто не замечала. Прежде всего, это адаптация и интеграция иммигрантов, миграция инвесторов и предпринимателей, образовательная иммиграция. Концепция-2025 является принципиально новым для России документом по своему масштабу и значимости. Вместе с тем остаются противоречия между декларированием концепции и практикой регулирования миграционных процессов; властям и обществу предстоит ещё много работы в этом направлении [16, с. 139-140]. Инфраструктура интеграции мигрантов на Дальнем Востоке, как и в целом в стране, пока практически не развита. В отличие от других стран мира, Россия не имеет в достаточном количестве курсов русского языка, культурно-адаптационных центров, консультационных пунктов, клубов по месту жительства мигрантов и пр.

Для Дальнего Востока результаты государственной миграционной политики России за последние 20 лет очевидны: преодолена бесконтрольная миграция граждан сопредельных государств; за счёт привлечения выходцев из стран Средней Азии диверсифицированы потоки трудовой миграции².

Задача восполнения славянского населения Дальнего Востока, поредевшего вследствие социально-экономического кризиса 1990-х годов, остаётся в приоритете, но условия её реализации ещё далеки от благоприятных. Во-первых, потому что экономическая динамика и уровень благосостояния (а также ёмкость регионального рынка труда) ниже, чем в других федеральных округах. Да и географическая удалённость сказывается: даже выходцы из сельских районов беднейших республик Средней Азии едут на Дальний Восток только после поиска вариантов трудоустройства в других российских регионах. Во-вторых, в принципе отсутствуют трудоизбыточные российские регионы с позитивной демографической динамикой, в случае же обострения безработицы жителям провинции проще перебраться в Москву или Санкт-Петербург. Только политический кризис в Украине предоставил возможность (или скорее дал надежду) восполнения славянского населения Дальнего Востока. Увеличилась интенсивность посещения Дальнего Востока украинцами: так по состоянию на сентябрь 2014 года во Владивосток прибыло порядка

---

¹ По новому законодательству за нелегальную миграцию увеличивается срок ограничения для въезда иностранцев с 3 до 5 лет для тех, кто дважды нарушил законодательство Российской Федерации (кроме случаев уголовного преступления). За повторство и организацию незаконной миграции предусмотрено лишение свободы сроком на 10 лет. Теперь нарушивший правила въезда в страну или трудоустройства мигрант не сможет избежать выдворения (ранее судья мог выбирать между штрафом и выдворением). Новизна законодательства заключается и в том, что касается не только мигрантов, но и принимающей стороны – штраф до 500 тыс. р. за непринятие мер по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенного.

² Привлечение северокорейских рабочих в различные сферы деятельности также этому содействовало, хотя и в меньших масштабах.

1200-1300 человек выходцев из Украины. При этом многие прибывшие официально своё присутствие никак не обозначили, по приблизительным оценкам их количество превышает приведённое число в 2-2,5 раза. Другие субъекты Дальневосточного федерального округа также приняли поток украинских мигрантов (Амурская область и Хабаровский край в сопоставимых объёмах).

Сложившаяся ситуация далека от идеальной и требует согласования усилий трудоизбыточных и принимающих стран, координации мер по противодействию нелегальной миграции.

В целом набор проблем известен, также как и предел эффективности карательных и запретительных мер. Сегодня остро стоит вопрос об адекватности мер интеграции мигрантов в социум принимаемого государства, о способности российской культурной среды переплавить новопоселенцев с избыточным мужским населением в гармоничную составляющую социума Дальнего Востока России. Сами этнокультурные отличия не являются причиной возникновения той или иной угрозы, но служат удобным аргументом, обостряющим межэтнические отношения в случае удсцесса. Остаётся надеяться на чуткое внимание ответственных лиц, стимулирующих общее развитие восточных окраин страны, на их способность поддерживать демографический и этнокультурный баланс при привлечении внешних трудовых ресурсов для решения проблем регионального развития.

Литература

1. Акмалова А.А., Капицын В.М. Трансграничная миграционная система Содружества Независимых Государств // Политическая наука, 2010. № 3. С. 128-142.
2. Аналбаева А., Аракелян К., Ермакова Е. Падал прошлогодний снег // Взгляд. 2.01.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/1/2/610571.html> (дата обращения: 12.06.2013 г.).
3. Безруков И.С., Е.В. Горбенкова. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России: монография. Владивосток: ВГУЭС, 2006. 208 с.
4. Ващук А.С. Сотрудничество России с другими государствами-участниками ШОС в миграционной сфере и его значение для Российского Дальнего Востока // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 87-100.
5. Ишаев В.И. Концепция развития Дальнего Востока России: научный доклад на заседании Президиума РАН. Хабаровск, 2006. 24 с.
6. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность / А.Г. Ларин. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
7. Мигрантам – зеленый свет [Электронный ресурс]. URL: http://echo.msk.ru/blog/titov_b/1159006-echo (дата обращения: 10.09.2014 г.).
8. Мотрич Е.Л. Нас становится меньше // Дальневосточный капитал. 2011. № 6. С. 14-15.
9. Мультикультурализм: риторика и практика (интервью с А.М. Кузнецовым) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 61-74.
10. Рязанцев С.В. Новая концепция регулирования миграции в России [Электронный ресурс] URL: <http://www.inomnienie.ru/debate /13764/> (дата обращения 22.08.14 г.).

11. Троякова Т.Г. Попытки создания компактных поселений (на примере корейских мигрантов Приморского края // Региональное измерение трансграничной миграции в России / науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 232-240.
12. Тюменцева Г.И. Миграционная политика: проблемы, противоречия, решения // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). Политические науки. Востоковедение. Вып. 15. С. 47-54.
13. Тюркин М.Л. Миграционная политика в Российской Федерации: опыт и перспективы развития. М.: Зимогляд, 2009. 368 с.
14. ФМС: китайская миграция России не грозит из-за разницы в климате. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsvl.ru/society/2012/12/28/234534561/> (дата обращения 22.08.14 г.).
15. Шувалова И.К. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России: опыт, проблемы и перспективы развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, № 3. 2013. С. 136-140.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akmalova A.A., Kapitsyn V.M. Transgranichnaya migratsionnaya sistema Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv // Politicheskaya nauka, 2010. № 3. S. 128-142.
2. Analbaeva A., Arakelyan K., Ermakova E. Padalproshlogodnijsneg // Vzglyad. 2.01.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/1/2/610571.html> (дата обращения: 12.06.2013 г.).
3. Bezrukov I.S., E.V. Gorbenkova. Perspektivy ispol'zovaniya aziatskoj rabochej sily v ehkonomike Dal'nego Vostoka Rossii: monografiya. Vladivostok: VGUEHS, 2006. 208 s.
4. Vashhuk A.S. Sotrudnichestvo Rossii s drugimi gosudarstvami-uchastnikami SHOS v migratsionnoj sfere i ego znachenie dlya Rossijskogo Dal'nego Vostoka // Rossiya i ATR. 2009. № 4. S. 87-100.
5. Ishaev V.I. Kontseptsiya razvitiya Dal'nego Vostoka Rossii: nauchnyj doklad na zasedanii Prezidiuma RAN. Khabarovsk, 2006. 24 s.
6. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' / A.G. Larin. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.
7. Migrantam – zelenyj svet [Электронный ресурс]. URL: : http://echo.msk.ru/blog/titov_b/1159006-echo (дата обращения: 10.09.2014 г.).
8. Motrich E.L. Nas stanovitsya men'she // Dal'nevostochnyj kapital. 2011. № 6. S. 14-15.
9. Mul'tikul'turalizm: ritorika i praktika (interv'yu s A.M. Kuznetsovym) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012. № 3. S. 61-74.
10. Ryazantsev S.V. Novaya kontseptsiya regulirovaniya migratsii v Rossii [Электронный ресурс] URL: <http://www.inomnienie.ru/debate/13764/> (дата обращения 22.08.14 г.).
11. Troyakova T.G. Popytki sozdaniya kompaktnykh poselenij (na primere korejskikh migrantov Primorskogo kraja // Regional'noe izmerenie transgranichnoj migratsii v Rossii / науч. ред. S.V. Golunov. M.: Aspekt Press, 2008. S. 232-240.
12. Tyumentseva G.I. Migratsionnaya politika: problemy, protivorechiya, resheniya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 14 (343). Politicheskie nauki. Vostokovedenie. Vyp. 15. S. 47-54.
13. Tyurkin M.L. Migratsionnaya politika v Rossijskoj Federatsii: opyt i perspektivy razvitiya. M.: Zimoglyad, 2009. 368 s.
14. FMS: kitajskaya migratsiya Rossii ne грозит iz-za raznitsy v klimate. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsvl.ru/society/2012/12/28/234534561/> (дата обращения 22.08.14 г.).

15. SHuvalova I.K. Migratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii: opyt, problemy i perspektivy razvitiya // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke, № 3. 2013. S. 136-140.